

И.Т. Гомбоин

доцент кафедры «Связь с общественностью» Восточно-Сибирского технологического университета
г. Улан-Удэ

Проблемы перевода Священного Писания на бурятский язык

В статье анализируются лингвостилистические особенности перевода книги Бытия с древнееврейского на бурятский язык, говорится о практике перевода Библии, даются сведения из истории перевода.

I. Gomboin

Difficulties of translation the Bible into the Buryat language

Linguistic peculiarities of translation the Bible from the Old Jewish to the Buryat language are analyzed in an article "Difficulties of translation the Bible into the Buryat language" written by Gomboin I.T.. It is also said about the practicing of translation of the Bible and the information about history of translation.

Рассматривая проблемы практики перевода Библии на бурятский язык, проанализируем переводы неконфессиональные, неакадемические, которые выполняются в Библейских обществах, Институте перевода Библии и предназначены для широкого читателя. Известно, что в переводах, созданных для внутрицерковного употребления, действуют иные законы.

Осмысление проблем перевода Библии предполагает некоторый экскурс в историю христианизации Бурятии, которая началась с приходом первых русских первопроходцев. В 1648 г. русские казаки под руководством атамана Ивана Галкина основали первый на территории современной Бурятии острог – Баргузинский. Как известно, церкви были обязательным элементом всех первых острогов Восточной Сибири: Баргузинского (1648), Баунтовского (1652), Удинского (1666), Телембинского (1658) и др. Так как первоначально освоение Забайкалья русскими казачьими отрядами проводилось мужским населением, то по истечении времени, уходя в отставку, за неимением женщин, многие «служилые люди» брали в жены буряток, обращая их в свою веру, венчались.

История Православной церкви в Забайкалье сложна и неоднозначна: успехи начального периода сменились в царствование Анны Иоанновны запретом на миссионерскую деятельность православной церкви в Забайкалье из-за опасения возможных осложнений отношений с Китаем (Указ 1734 г.), в то же самое время разрешалась миссионерская деятельность монгольских и тибетских лам (по Кяхтинскому Генеральному трактату от 14 июня 1728 г.).

В настоящее время население считает своей главной религией буддизм, хотя наблюдается определенный синкретизм, когда человек одновременно посещает и буддийские храмы, и православные церкви, и шаманские камлания.

В российской и мировой библеистике накоплен опыт перевода Священного Писания на монгольские языки. Первыми попытками перевода Священного Писания на монгольские языки признаются пробы францисканца Йоханесса де Монте Корвино в XIV в.

Наиболее плодотворным периодом переводов Священного Писания на разные языки России признан XIX в., когда в 1813 г. было основано Российское Библейское общество. В 1820-1846 гг. в Забайкалье жили английские подданные Э. Сталибрас, К. Рамн, У. Сван, Р. Юиль, посланные Лондонским миссионерским обществом для проповедывания христианства среди бурят. Они основали свою миссию в Селенгинске и на реках Кудун и Она, усиленно изучали монгольский, тибетский, маньчжурский, наречия бурятского языков, переводили Библию, затем привезли из Англии типографское оборудование и издали в Селенгинске старомонгольским письмом Пятикнижие Моисея.

В то же время в Петербург были приглашены крестник Василий Татауров, хоринские буряты Бадма Моршунаев и Номто Унгаев. За 14 лет под руководством Я. Шмидта ими был выполнен перевод всего Нового Завета на бурятский язык и издан старомонгольским письмом в Санкт-Петербурге в 1827 г.

Для проповеди и для перевода богослужебных книг на бурятский язык привлекались буряты, знавшие русский и свой родной языки. Среди них были: православные священники Алек-

сандр Бобровников, Константин Стуков, Николай Алексеев, Иван Санжихаев, Яков Болдонов, Матвей Махусаев, Николай Нилов-Доржиев, Лаврентий Нерунов и др.

В настоящее время переводом Священного Писания на бурятский язык занимаются Институт перевода Библии и Российское Библейское общество. По линии второй организации переводчики – носители бурятского языка, башкиры, осетины, якуты, алтайцы, чуваша прошли обучение на специальных курсах в Санкт-Петербурге, где им преподавали современную теорию библейского перевода, историю и культуру Древнего мира, древнееврейский язык, экзегезу Библии. Работа по переводу Библии на разные языки России поддержана патриархом Московским и всея Руси Алексием II.

Работа по переводу Библии в Российском Библейском обществе ведется на основе современной теории библейского перевода, главным принципом которой является создание смыслового, или еще точнее, функционального эквивалентного перевода. Такой перевод подразумевает адекватную передачу речевых функций, присущих тому или иному высказыванию, и призван оказывать на современного читателя такое же воздействие, как и на первых слушателей и пророков. Однако этот перевод должен отвечать духовным требованиям и культурным традициям современного читателя. Трудности переводчика состоят в том, что, беря за основу Синодальный перевод, он может перенести имеющиеся там неточности в свой перевод. Поэтому необходимо использовать в качестве основного Масоретский текст, а в качестве вспомогательного Септуагинту, Синодальный перевод, имеющиеся английские и немецкие тексты.

Безусловно, перед переводчиками стояло множество проблем богословского и лингвистического характера. Проблемы перевода начинаются уже с названия книги. В еврейской традиции (а почти весь Ветхий Завет первоначально написан на древнееврейском языке) названиями для книг Пятикнижия служат их начальные слова:

Берешит – «В начале...» (книга Бытия),
Шмот – «Имена...» (книга Исхода),
Вайикра – «И воззвал...» (книга Левит),
Бемидбар – «В пустыне...» (книга Чисел),
Деварим – «Слова...» (Второзаконие).

Принятые в христианской традиции заглавия книг Пятикнижия восходят к греческому переводу. Греческое название первой книги Библии – *Генесис* «Происхождение» – навеяно либо Быт 2:4 (греч.: «Это книга о происхождении неба и земли»), либо Быт 5:1 (греч.: «Это книга о происхождении людей»). Хотя в обоих случаях греческий текст представляет собой не столько перевод, сколько вольный пересказ еврейского оригинала. Такое название вполне подходит для книги, повествующей о происхождении мира, людей и отдельных народов.

Церковнославянское название книги – *Бытие* – это попытка первых славянских переводчиков передать смысл греческого *генесис*. Современного русскоязычного читателя такое название может ввести в заблуждение: слово *бытие* в русском языке имеет смысл, едва ли не противоположный греческому *генесис*, так как *бытие* статично, а *генесис* «происхождение» подразумевает динамику, развитие. Однако название «Бытие» стало настолько привычным, что нет смысла менять его в новых русских переводах.

На бурятском же языке название первой книги Моисея звучит: *Эхинэй эхин* (досл. Начало начал). Обратимся к бурятско-русскому словарю К. Черемисова (1973):

Эхи(н) 1. 1) 'начало'; **эхи табиха**, **эхи (заха) татаха** 'класть начало, начинать'; **эхи табигша** 'начинатель'; **эхи заха татагша** 'зачинатель'; **эхинһээнһэ уншаха** 'читать с начала'.

Монгольские переводчики книгу Бытия называли *Эхлэл* (досл. Начало). Значение этого слова в монгольско-русском словаре А. Лувсандэндэва (1957): **ЭХЛЭЛ** см. **ЭХЛЭЛТ** 'почин; начало'.

ЭХ(эн) II 1. 1) 'начало, источник; недра'; **номын эх** 'начало книги'; **эхэнд нь** 'в начале; сперва'; **энэ оны эхээр** 'в начале этого года'; **эх адаг парн** 'начало и конец; исток и устье'; **эх булаг парн** 'источник'; **эх газар** 'материк, континент'.

Таким образом, мы видим, что бурятские и монгольские переводчики перевели название книги, следуя древнееврейскому оригиналу *Берешит* «В начале» – *Эхинэй эхин* «Начало начал» и *Эхлэл* «Начало». Думается, что в каждом варианте было найдено удачное решение, исходя из соображений восприятия, частотности употребления, понятности и т.д.

В бурятском варианте выбора названия книги *Эхинэй эхин* «Начало начал» слышатся отголоски *Шир гашиерим* «Песнь Песней» (Самая красивая Песня) – другой книги Ветхого Завета. Значит, такая традиция называть одну книгу, используя два раза одно слово, существовала у

евреев, и при переводе на бурятский язык эта традиция поддерживается. Если обратиться к содержанию книги, то это действительно начало начал нашего мироздания -- Творец создаёт небеса и землю, свет, твердь небесную, сушу и растительность, светила, рыб и птиц, животных и человека.

Между современным человеком и ветхозаветным миром Библии – огромная дистанция. Поэтому, по мнению некоторых переводчиков, Библию надо переводить особым, возвышенным языком, используя архаическую лексику. Но этот импрессионистский подход при чтении древнего текста является главным препятствием для адекватного понимания текста на информационном уровне, не говоря уже о постижении библейских истин в смысле религиозном.

Как известно, имя Бога встречается уже в первом стихе первой главы первой книги Пятикнижия Моисеева. Одной из основных проблем до сих пор остается вопрос о переводе слова «Бог» (евр. «Элоах», обозначает «могущественный, достойный почитания», «Элохим» – употребление множественного числа выражает особое почтение). На страницах газеты «Буряад үнэн» развернулась целая полемика по вопросу о переводе слова «бог». Ц.Б. Будаев и У-Ж.Ш. Дондуков считают, что бурятское слово «бурхан» семантически полностью соответствует понятию «бог», что «бурхан» давно растворил в себе значение русского слова «бог» и является вполне установившимся словом, поскольку было зафиксировано лингвистами у бурят еще в XVII в. Противник этой точки зрения – переводчик Монгольского Библийского общества Бодонгууд Цэрэндаш. Он предлагает переводить *Бог* словами *Оришолонто Юртэмсын Эзэн* (досл. *Властелин бренного мира*). Переводить *Бог* словом *Бурхан* нельзя, считает он, так как Бурхан – это Будда, который является не создателем, а учителем, называть же Бога Учителем, а не Создателем – искажение смысла Библии.

Перевод слова *Господь* (евр. тетраграмматон – *Яхве, Адонай*) также создал немало проблем переводчикам. Еврейское *Адонай* соответствует евр. *Иегова* («Вечный») и *Адон* («Господин»). Эти имена выражают величие Бога и его превосходство над всеми, главную мысль всей Библии, ключевое понятие – «Творец неба и земли и всего сущего». Помимо двух главных имен – *Бог, Господь*, такие понятия, как «Создатель», «Всевышний», «Мессия», сочетание «Господь Бог», новы для бурятского языка. Смещение терминов и понятий *Бог* и *Господь*, отсутствие их четкого терминологического разграничения встречается довольно часто. Переводческой группой были предложены варианты для перевода слова *Господь*: *Эзэн* (досл. «Хозяин»), *Дээдын Эзэн* («Всевышний хозяин»), *Мүлхын эзэн* («Хозяин Вечного мира»), *Бүтээгшээ Эзэн* («Создавший хозяин»). В результате обсуждения внутри самой же группы было принято решение: перевести слово *Господь* словом *Эзэн* («Хозяин»). Таким образом, переводчики использовали семантическое расширение. В пользу этого выбора говорило и то обстоятельство, что в слове *Эзэн* имеются четыре буквы, как в еврейском оригинале.

Остановимся на вопросе о соотношении поэзии и прозы. Учёные сходятся в том, что Библия не знает жёсткого формального разграничения прозы и поэзии, однако многие отрывки Библии выглядят скорее поэтическими, нежели прозаическими. В качестве основных формальных признаков библейской поэзии обычно называются аллитерации, некоторая ритмическая упорядоченность и параллелизм. Одни и те же отрывки Библии выглядят в разных переводах то как проза, то как поэзия, разумеется, без строгого размера и без рифмы. Единого решения здесь нет. Мера поэтичности определяется каждым переводчиком самостоятельно, и надо полагать, что активное использование поэтических средств бурятского языка не только украшает перевод, но и приближает его к оригиналу.

В Ветхом Завете есть множество эпизодов, где приносят в жертву ягнёнка, например, книга Бытия, глава 22, стихи 7, 8 (в дальнейшем название книги, главы и стиха будем обозначать по примеру: *Быт 22:7,8*). В переводах на русский язык этот ягнёнок обозначается словами *агнец* или же *овен* в зависимости от еврейского оригинала, где есть слова *се* и *ашль*, обозначающие пол жертвы. Но переводчику на бурятский и монгольский языки недостаточно знать лишь пол жертвы, у него неизбежно возникает вопрос: «А сколько лет этому ягнёнку?». Буряты и монголы с незапамятных времен занимались разведением пяти известных видов домашних животных: коров, лошадей, овец, коз и верблюдов.

Животноводческие термины, различающие домашних животных по полу, возрасту, масти и получаемым от них продуктам, а также по их анатомии и физиологии, эпизоотии и болезням и их лечению и т.д., одним словом, термины по всем вопросам разведения животных создавались

бурятским народом на протяжении многих веков. В монгольских языках это представлено в строго систематизированном виде и в значительной степени богаче, чем у других народов мира. Названия животных менялись каждой осенью. Например, ягнёнок до осени назывался *хурьган*, осенью становился *тулгэ*, следующей осенью кастрат – *шүлгэ*, самка – ярка – *зуһаг* и т.д.; телёнок до осени *тугал*, осенью – *буруун*, следующей осенью – *хашиараг*, третьей осенью самец – *гунап*, самка – *гунжан*, четвёртой осенью самец – *дүнэн*, самка – *дүнжэн*.

Переносные значения слов в языках часто не совпадают, что создает большую трудность для переводчиков. В русском языке слово *зеленый* имеет переносное значение «неопытный по молодости»: зеленая молодежь, молодо-зелено. Кроме того, с этим словом образуются фразеологизмы: *до зеленого змия* (напиться до галлюцинаций, до белой горячки), *зеленая тоска* – чрезвычайная тоска, *зеленая улица* – путь для транспорта свободен; этот фразеологизм употребляется также переносно: новому – *зеленую улицу*! Во всех этих случаях невозможно использовать бурятское слово *ногоон*, ибо оно не имеет переносного значения и не образует фразеологизмов. Также к средствам, к которым довольно трудно подобрать точные эквиваленты, относятся различные устойчивые сочетания слов – идиомы, пословицы, поговорки. В этих случаях переводчики используют разные приёмы.

Например, Быт 14:22-23.

В древнееврейском оригинале есть устойчивое сочетание: *им-михут вэад сэрох-наһал* (досл. если нитку и до ремня сандалий...).

Русский Синодальный перевод: Но Аврам сказал царю Содомскому: поднимаю руку мою к Господу Богу Всевышнему, Владыке неба и земли,²³ что даже нитки и ремня от обуви не возьму из всего твоего, чтобы ты не сказал: я обогатил Аврама;

Бурятский перевод: Гэбэшьё Авраам иигэжэ харюусаба:

- *Һэтэрхэй зүүшьё, түгдэрхэй тэбэнэшьё* танай зөөриһөө абахагүйб гэжэ огторгой газар хоёрые бүтээгшэ Дээдын дээдэ Эзэн Бурханай урда тангаригланаб. «Би Авраамые баян болгооб» гэжэ хожом танай хэлэжэ байхагүйн тула нигэнэб (досл. перевод выделенного фрагмента: даже иголку, у которой сломано ушко, даже отломанную большую иглу...).

Как видим, бурятский переводчик распознал смысл еврейской идиомы и удачно заменил ее устойчивым сочетанием своего родного языка. У бурят издавна существовала игра «Загадывание загадок». Тот, кто не смог отгадать загадку, должен был в ответ загадать свою. И если он не мог вспомнить ни одной, то победивший в этом своеобразном турнире дружески разыгрывал его, говоря речитативом: «*Һэтэрхэй зүүгээр, түгдэрхэй тэбэнээр шамайе худалданаб, худалданаб...*» (досл. Продаю, продаю тебя за иголку со сломанным ушком, за большую сломанную иглу...) Т.е. победитель «продавал» побежденного за бесценно, за вещи, которые никому не нужны, за ничто. И Аврам дает знать царю Содомскому, что даже бесполезной вещи от него не возьмет в подарок, сколько бы он ни предлагал за то, что он поразил его врага – Кедорлаомера.

Рассмотрим другой пример: Быт 16:12.

Древнееврейский оригинал: дословный перевод совпадает с русским Синодальным переводом (см. ниже).

Русский Синодальный перевод: ¹² он (Исмаил) будет между людьми, как дикий осел; **руки его на всех, и руки всех на него**; жить будет он пред лицом всех братьев своих.

Бурятский перевод: Харин хүбүүншни зэрлинг амитан мэтэ нүүдэл байдалтай, тэнэн түншэн ябаха. Үри һадаһадын түрэл саданарһаа амьарлан амидаржа, **арсалдаа хэрэлдээтэй, хүн бүхэндэ эсэргүүсэн байха.**

Древнееврейская идиома *руки его на всех, и руки всех на него* при буквальном переводе потеряла бы смысл и могла бы быть неверно понята читателем. Бурятский переводчик смысл идиомы передал в переводе нейтральным выражением *арсалдаа хэрэлдээтэй, хүн бүхэндэ эсэргүүсэн байха*.

Нами отмечены следующие особенности языковой структуры оригинала и перевода:

1. В древнееврейском языке редко употребляются прилагательные, часто существительное выступает в качестве определения к другому существительному (сын разврата – развратный человек; гора святости – святая гора и т.д.). Значение превосходной степени признака также часто выражается сочетанием существительных («Песнь Песней» – самая прекрасная песня). Например, Быт 37:3:

Древнееврейский оригинал: **бен зекуним** (досл.сын старости).

Русский синодальный перевод: Израиль любил Иосифа более всех сыновей своих, потому что он был **сын старости** его, — и сделал ему разноцветную одежду.

Бурятский перевод: **Үндэр наһатай болоһон хойнонь түрэлэн** Иосифтоо Израиль бусад хүбүүднээ үлүү дуратай һэн... (досл. Иосифа, родившегося, когда он был уже старый, Израиль любил больше других сыновей).

В данном примере бурятский переводчик осуществил смысловой, более понятный, чем в русском, перевод словосочетания *сын старости*. Конечно же, такой удачный, литературный перевод будет адекватно воспринят читателями-бурятами, нежели прямое следование грамматической конструкции оригинала.

2. Часто используются тавтологические выражения («пламя огня», «рыбы моря», «умереть смертью», «согрешить грехом»). Например, в *Быт 2:17* (евр. «**мот тамут**»):

Русский синодальный перевод: а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, **смертью умрешь**.

Бурятский перевод: Зүгөөр һайн муу хоёрой илгаа мэдэрүүлдэг модоной жэмэс эднжэ болохогүй. Тэрэниие бү эдээрэй. Эдээ хаа, тэрэл үдэртөө **үхэхэш**.

«Мот тамут» — эти два слова происходят от одного корня «мот» (*умирать*); по форме: первое слово — это абсолютный инфинитив, второе — имперфект, 2-е лицо. При литературном переводе на современный бурятский язык такого рода конструкции переданы одним словом — *үхэхэш* (*умрешь*). Думается, что это правильный выбор, иного пути, кроме как усиление значения *непреренно умрешь, обязательно умрешь*, не видно. Слово *үхэхэш* (*умрешь*) в бурятском предложении стоит в конце предложения, и эмпфаза высказывания приходится на данный глагол.

Проблемы перевода Священного Писания на бурятский язык также обнаруживаются в следующем примере: *Быт 50:2*.

Древнееврейский оригинал: **лаханот эт-авив** (досл. **чтобы балъзамировать отца его**).

Русский синодальный перевод: И повелел Иосиф слугам своим — врачам **балъзамировать отца его**; и врачи набалъзамировали Израиля.

Бурятский перевод: Удаань Иосиф эмшэ домшонороо дуудан, эсэгынгээ **шарилые зан-даншуулха** гэжэ захиралта үгэбэ.

Бурятско-русский словарь К. Черемисова (1973): **шарил 1. уст. 1)** останки (о трупе человека, занимавшего высокое положение); **моши; 2)** усыпальница; **шарил хадагалдаг газар** колумбарий; **2. атр. переводится по знач. определяемого; шарил хүүр** могила; **шарил үнэлэн** прах, останки (помещаемые в урну).

Этот же словарь: **зандан 1. бот. 'сандал'; агар зандан модон 'алоэ'; хара зандан 'чёрный сандал'; 2. 1)** 'сандаловый'; **занданай дабирхай** 'сандаловая смола'; **2) перен. 'красный' (как сандал); зандан булгайр** 'красная юфть'.

Бурятский переводчик совершенно оправданно вставляет в текст слово *шарил*, поскольку балъзамируют не живого человека, а его останки. Глагол *занданшуулха* образован от имени существительного *зандан* (сандал), если быть более точным, здесь подразумевается словосочетание *занданай дабирхай* (сандаловая смола), т.е. *покрывать сандаловой смолой*. В древности существовал обычай: тело умершего важного человека покрывать дорогими смолами, в том числе и сандаловой смолой. В русском же варианте использовано слово *балъзамировать*, которое давно вошло в обиход и понятно всем русскоязычным читателям.

Монгольские языки богаты эвфемизмами, употребляемыми вместо слова «умереть», например: монг. *үхэх* — *монхжих* «увековечиться», *ногчих* «скончаться, почить», *нис барах* «скончаться», *эгэх* и *эчих* «уйти», *таалал барих* «обрести покой», *наран болох* «стать солнцем», *тэнгэр болох* «стать небом», *бурхан болох* «стать бурханом»; бур. *наһа бараха*, *наһа дүүрэхэ* «скончаться», *нүгшэхэ* «скончаться, почить», *үнгээрхэ* «миновать», *һайн түрэлөө олохо* «найти лучшее перерождение», *мордохо* «отправляться в путь», *бурхандаа ябаха* «уйти к бурхану», *хади гэртээ ошохо* «уйти к скальному дому» и др.

В *Быт 50:24* в древнееврейском оригинале Иосиф говорит братьям: **анохий мэт** (досл. **я умираю**).

Русский синодальный перевод: И сказал Иосиф братьям своим: **я умираю**, но Бог посетит вас и выведет вас из земли сей в землю, о которой клялся Аврааму, Исааку и Иакову.

Бурятский перевод: *Нана барахынгаа урда тээ Иосиф аха дүүнэрээ дуудаад, ингэжэ хэлэбэ: - Минни мордохо саг дүтэлжэ байна...* (досл.перевод выделенного фрагмента: **Приближается время, когда я отправлюсь в путь**).

Для бурятского переводчика слово *умирать* в данном контексте эвфемизм, поэтому он заменяет его на слово *мордохо* «отправляться в путь». Следует отметить, что использование этих эвфемистических замен вместо табуированного *үхэх* «умереть» зависит от социального положения того, к кому они относятся. Например, в монгольском языке *наран болох, тэнгэр болох, бурхан болох* использовались для передачи понятия о кончине князей, высокопоставленных лиц, пожилых людей и близких. О кончине ламы (буддийского священника) в бурятском языке принято было говорить *тагаалал болоо* «стал покоем». И, наоборот, монголы и буряты не прибегали к табуированию, если речь шла о кончине животных, незнакомых людей и, естественно, врагов. Дифференцированный характер носит употребление эвфемизмов, выражающих понятие «умереть» и в зависимости от возраста объекта, о котором идет речь, и отношения к нему говорящего.

В переводах XIX в. английских миссионеров часто библейские термины оставались без перевода и без каких бы то ни было комментариев, например: *ivanggili, apostol, sabat, baptista*. Иногда термины заменялись русскими словами, оформленными по правилам бурятской фонетики и синтаксиса: крестить = крестле, пророк = пророг, шабат = суббота удур.

В целом заметим, что ни по одному из перечисленных выше терминов невозможно вынести окончательное и однозначное решение, да и сам список далёк от полноты. Необходимо учитывать, что Библия существенно отличается от многих литературных произведений и потому техника литературного перевода не может быть применена к ней без соответствующей адаптации.

Т.Б. Хубрикова

составитель кафедры русско-бурятского языка Бурятского госуниверситета
г. Улан-Удэ

Буддийские идеи и мотивы в словесно-письменных памятниках Бурятии конца XIX – начала XX в.

В статье рассматриваются буддийские мотивы в письменных памятниках Бурятии рубежа XIX-XX вв.: «Комментарий...» к композиции Нагарджуны Р. Номтоева, субхашита «Зерцало мудрости...» Э.Х. Галшиева, «Предание о кругосветном путешествии, или Повествование о жизни Агвана Доржиева» А. Доржиева. Делается вывод о том, что эти произведения являются уникальным примером синтеза дидактичности и художественности.

T. Khubrikova

Buddhist motives in verbally-written monuments of Buryatia of the end to XIX-th – the beginnings of XX-th century

In article the basic Buddhist Law of Interdependence of causes and effects, which the Buryat authors of the end 19-th – beginnings 20-th century used in the works are opened: R. Nomtoev in "Comments" to composition Nagardjuny, E.K. Galshiev in "Subkhashit", Agvan Dorjiev in "The legend or a Narration about round-the-world travel by Agvan Dorjiev". The author considers the given Buddhist compositions in integrity and interrelations in view of their genre originality reflecting national consciousness of people during the certain historical period of its development.

На примере трех словесно-письменных памятника Бурятии конца XIX – начала XX вв.: «Комментария к "Капле, питающей людей, называемой "Драгоценный кувшин, наполненный эликсиром рашияны" Нагарджуны» Р. Номтоева (1890-1895), субхашиты Э.Х. Галшиева «Зерцало мудрости, разъясняющее принимаемое и отвергаемое по двум законам» (1910-1915) и «Предания о кругосветном путешествии, или Повествование о жизни Агвана Доржиева» А. Доржиева (1921), относящихся к буддийской дидактической литературе, рассмотрим соотношение в них художественности, поэтичности и сухого поучения буддийского знания. О том, что содержание буддийских сочинений органично пропитано поэтичностью, образностью, свидетельствуют теория и практика восточных литератур. Так, одним из первых отметил эту осо-